

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. В. БУНАК

ОБ ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ В ИЗУЧЕНИИ РАСООБРАЗОВАНИЯ У ЧЕЛОВЕКА

(В связи со статьей Г. Ф. Дебеца «О принципах классификации
человеческих рас»¹⁾)

В статье, напечатанной в «Советской этнографии» № 1 за 1956 г.², я изложил результаты проводившегося мной за последние годы исследования в области учения о расе как исторической категории. Новая разработка этой проблемы привела к выделению нескольких этапов формирования рас у человека — этот вопрос не был затронут в предыдущих моих сообщениях³. В соответствии с размерами журнальной публикации статья включает лишь узловые пункты проблемы в их итоговой формулировке, без развернутой аргументации, но с учетом вопросов, приобретающих все большее значение в антропологии и в смежных отраслях науки.

Моя статья вызвала ответ со стороны Г. Ф. Дебеца. Как видно из заглавия его работы, Г. Ф. Дебеч останавливается преимущественно на классификации рас (в его понимании задач классификации), что занимает в моем труде второстепенное место, но затрагивает и другие поставленные мной вопросы. Г. Ф. Дебеч не находит в моей работе ничего заслуживающего внимания и безоговорочно повторяет некоторые мнения, давно высказанные в антропологическом расоведении. Если признать соображения Г. Ф. Дебеца убедительными, придется, независимо от содержания моей статьи, сделать вывод, что развитие антропологии и смежных наук на протяжении многих десятилетий не вызывает необходимости в новом рассмотрении общих вопросов и видоизменении формулировок. Так как подобный вывод не может принести пользы советской антропологии, возникает потребность вновь подвергнуть обсуждению некоторые вопросы расоведения и вместе с тем ответить на критическую статью Г. Ф. Дебеца, которая во многом дезориентирует читателя в отношении моей работы.

Поскольку Г. Ф. Дебеч, не выдвигая новых задач, ограничивается рассмотрением представленного мной материала в том порядке, в каком он изложен в работе 1956 г., целесообразно сохранить этот порядок и в настоящей статье.

¹ «Сов. этнография», 1956, № 4.

² В. В. Бунак, Человеческие расы и пути их образования, «Сов. этнография», 1956, № 1.

³ В. В. Бунак, Раса как историческое понятие, «Труды Ин-та антропологии МГУ», вып. 4, 1938.

1

Остановлюсь прежде всего на том, что Г. Ф. Дебец называет противоречиями, неясностями и ошибками в моей работе (применимость такого обозначения для наименования разногласий в интерпретации фактов сомнительна, но это вопрос стиля автора).

1. Поздний палеолит. В краниологическом материале Европы я выделяю по сочетанию признаков шесть типов, примерно тех же, что Заллер и Монтандон (гримальди, пржедмост, комб-капелль, кроманьон, солютре, обер-кассель). Сочетания признаков в каждом из этих типов не совпадают или лишь частично совпадают с тем, что характерно для современных крупных расовых групп. В частности, кроманьонский тип отличается от современного обобщенного западноевропейского меньшей высотой мозговой коробки, большей скуловой шириной, меньшей высотой переносья (моя статья, стр. 87). Возражая против данной мной характеристики кроманьонского типа, Г. Ф. Дебец умалчивает о названных предпосылках (ограниченном понимании кроманьонской группы, учете сочетания признаков, использовании обобщенных характеристик современных групп) и ссылается на то, что, по материалам Моранта, средняя высота верхнепалеолитических черепов Европы вовсе не малая, а симотическая — 4,7 мм⁴. Разумеется, средняя величина всех верхнепалеолитических групп Западной Европы и средняя величина одной из групп — не одно и то же, но этот факт свидетельствует не о сделанной мной ошибке, а о недопустимости формального использования вариационно-статистических констант английскими биометриками. Симотический индекс черепа Кроманьон I — 46, при ширине 10 мм. Такие размеры встречаются и в современной Западной Европе, но разве они могут быть названы характерными для этой территории? Многое указывает, что малая высота мозговой коробки в сочетании с другими кроманьонскими признаками составляет не только индивидуальную особенность, но характеризует один из вариантов, представленный, между прочим, в серии черепов из Мехты (Северная Африка).

Упомянутая в статье Г. Ф. Дебеца серия из Афалу не платикранна, но по сочетанию особенностей также не может быть поставлена в один ряд с позднейшими западноевропейскими типами, которые, кроме того, отличаются от североафриканских и по многим другим признакам. В сделанном мной выводе ничего не изменяет подчеркиваемый Г. Ф. Дебецом таксономический диагноз, согласно которому европейские и североафриканские формы могут быть объединены в одну крупную группу: при любом таксономическом определении пути формирования сравниваемых типов (по крайней мере в поздние периоды) остаются различными. Редкость платикранных вариантов в современной Европе не может служить доказательством отсутствия таких вариантов в верхнем палеолите.

Г. Ф. Дебец называет ошибочной отмеченную мной большую высоту переносья в гримальдийском типе по сравнению с негрским (западно-суданским) и особенно с бушменским, с которым обычно сопоставляют гримальдийцев. В действительности, если основываться не на суммарной характеристике Верно, а на сопоставлении срединных обводов гримальдийского и типичного западносуданского черепа, большая уплощенность корня носа у западносуданских негров не вызывает сомнения. Наложение поперечных обводов по линии скуловых дуг убеждает также, что суданским неграм не свойственна клиногнатия этой области, заметная в гримальдийской группе. Категорическое возражение Г. Ф. Дебеца относительно высоты переносья у гримальдийцев звучит особенно непонятно, если учесть, что череп из погребений на Маркиной горе, сближаемый критиком с гримальдийской группой, имеет симотический индекс 56.

⁴ Г. Ф. Дебец, Указ. раб., стр. 130

Отмеченное мной на позднепалеолитических черепах преобладание австралоидных и негроидных признаков Г. Ф. Дебец интерпретирует следующим образом: «Так или иначе негро-австралоидный тип существовал в позднем палеолите — пусть в качестве общего предка современных рас» (стр. 131). Такая интерпретация искажает смысл моего текста. На стр. 88 мной отмечено, что в гримальдийском типе преобладают особенности негроидного комплекса, в комб-капелльском — австралоидного, а в солютрейском — европеоидного, но, наряду с преобладающими особенностями, имеются и атипические. Аналогичные факты констатированы на разных территориях. Количественное преобладание некоторых вариантов признаков при различном их сочетании и отсутствии связи с территорией далеко не означает существования определенных рас, так как необходимый элемент в характеристике расы составляет ее ареал, а гипотеза о широком распространении вторичных ареалов в ориньякское время беспочвенна (если не относить возникновение современных рас к среднему палеолиту).

В полном противоречии со сказанным мной стоит выражение «негро-австралоидный тип». На стр. 87 я говорю о признаках этих двух групп без объединения их, а на стр. 92 и 98 провожу определенное различие между тропическим и австралоидным стволами по их происхождению.

Вообще вопросы о числе краниологических типов позднего палеолита, составе отдельных групп и их характеристике могут быть освещены лишь в специальном исследовании. В моей статье указаны лишь методический подход и итоговая характеристика. Попытка доказать или опровергнуть тот или иной вывод несколькими беглыми замечаниями заранее обречена на неудачу.

Впрочем, детальный разбор разнообразных взглядов в этой области не составляет необходимости: политипия и невыраженность ареалов в краниологическом материале позднего палеолита констатируются при любом возможном решении частных вопросов, и этих двух фактов достаточно, чтобы обосновать формулированный мной вывод.

2. Мезо- и неолитические типы. Сказанное мной об этих типах, по мнению Г. Ф. Дебеча, порождает следующий полемический вопрос: «...почему же... в мезолите и неолите влияние географической среды начало вдруг проявляться с такой интенсивностью?» (стр. 132). Чтобы читатель мог составить мнение о правильности такой интерпретации моих взглядов, обращаю внимание на два выделенных мной фактора расообразования в этот период: во-первых, установление стойких морфологически согласованных сочетаний элементов строения, например широкого носа, низкого переносья, узкого лица, что далеко не составляет преобладающего явления в позднем палеолите; во-вторых, закрепление приспособительных изменений, по большей части косвенных и главным образом в строении покровов, в соответствии с условиями природной среды, т. е. сохранение на данной территории одного преобладающего комплекса и исчезновение других (моя статья, стр. 89). Закрепление комплекса становится возможным лишь после того, как комплекс сложился; возникают же комплексы признаков не сразу в готовом виде, а постепенно. Закрепление комплексов происходит под контролем условий среды; в разных зонах возникают разные комплексы, но этот факт вовсе не означает, что закрепление типа возможно лишь при «усилении» воздействия средовых факторов. Самое формирование комплекса многие исследователи определяют как одну из форм приспособительной изменчивости. Совершенно непонятно, как мог мой оппонент приписать мне неправдоподобное мнение об усиленном воздействии среды в условиях мезолита и неолита, при этом в воздействии непосредственном⁵.

⁵ Мое мнение по этому вопросу изложено в нескольких докладах, известных многим специалистам Москвы и Ленинграда. В докладах отмечено преобладающее значение опосредствованных воздействий среды.

Отдельные вехи процесса расообразования, как всякого динамического явления, означают лишь переломные моменты качественных сдвигов, подготовленных на предыдущих этапах развития. Мезолит и неолит—время, к которому нужно отнести, конечно, не начало, а завершение процесса формирования рас.

По мнению Г. Ф. Дебеца, из приведенной мной характеристики вытекает и другой вывод: «В ходе превращения неолитических предков в современных европейцев этот полиморфный подвид стал очевидно из прогнатного ортогнатным...» (стр. 135). Вывод находится в полном противоречии с моим текстом, в частности с замечанием на стр. 94, и вообще мало понятен, потому что если подвид «полиморфен», то в нем имеются разные варианты, — могут существовать и прогнатные, и ортогнатные формы. Количественное преобладание одного варианта не означает, что именно этот вариант дал начало противоположному. Во всяком случае ни возникновение морфологически согласованных сочетаний признаков, ни их закрепление не означают трансформации одного признака в другой в том смысле, в каком этот термин употребляется в современной биологии. Другие замечания Г. Ф. Дебеца на стр. 134 — 135 я для краткости не рассматриваю, так как они не относятся к моей статье 1956 г.

3. Позднейшие эпохи. Г. Ф. Дебес не обсуждает этот раздел, так как находит мои формулировки неясными. Ввиду этого я ограничусь ссылками на страницы 92 (5-й абзац сверху) и 93 (8-й абзац) моего текста, содержащие характеристики, вполне аналогичные другим, подвергнутым разбору моим оппонентом.

4. Вопрос о грацилизации. На стр. 135 Г. Ф. Дебес приводит цитаты из моего текста. Цитаты звучат противоречиво, но противоречие полностью исчезает, если вставить то, что мой критик выпустил, т. е. датировку отмеченных изменений признаков. В неолитическое время по сравнению с верхнепалеолитическим чаще встречаются черепа с меньшими продольным размером и развитием надбровья, иногда также с меньшими носовым указателем и прогнатизмом. В последующие эпохи аналогичные изменения иногда наблюдаются, но лишь при наличии в исходных формах архаических признаков. В некоторых современных сериях отмечается утончение стенок черепа и уменьшение размеров зубной дуги, но поскольку не всегда возможно восстановить предковые формы, реальность этих последних изменений не доказана (моя статья, стр. 95 — 96). Лицевые диаметры, по моим данным, изменяются, вопреки утверждению моего оппонента, в сторону уменьшения не чаще, чем в противоположном направлении, и притом неодинаково в разные эпохи. Где же здесь противоречие?

5. О методических вопросах. В моей работе отмечено, что критерии для выделения рас в зоологии и в антропологии одни и те же (стойкость признаков, комплексность характеристик, ареальность), но методика зоологических определителей, основанная на последовательном подразделении неизменного набора признаков, не может быть безоговорочно применена в антропологии. По мнению моего оппонента, и здесь есть противоречие: он полагает, что раз критерии общие, то и методика выделения рас должна быть одинакова. Суждение это совершенно произвольно.

Животное связано с условиями среды более непосредственно, чем человек; внутригрупповая изменчивость, как правило, менее велика, перекрестное сходство в отдельных признаках менее значительно, параллельная изменчивость встречается реже. Две группы, сходные по трем разграничительным признакам (например А, В, С) и по трем — различные ($D_1 E_2 F_2$ и $D_2 E_1 F_1$), у животных гораздо чаще, чем у человека, представляют собой дивергентные формы одного предкового типа. У человека сходство по трем существенным разграничительным признакам нередко наблюдается в группах заведомо различного проис-

хождения. Например, средние варианты носового указателя, выступания альвеолярной дуги, контура скул констатированы на отдельных территориях Африки и Азии. Для определения родства в этих случаях наибольшее значение имеют не сходные признаки А, В, С, а другие признаки, по которым сравниваемые группы различаются между собой, но сходны с близкими территориальными группами,— т. е. не единый, раз навсегда установленный набор признаков, а комплекс конкретных особенностей. Согласно историческому пониманию расы, в основу разграничения типов следует положить не признак как таковой, а направление изменчивости признака по территории, т. е. последовательное сопоставление конкретных различий важнейших признаков⁶.

Стандартный набор разграничительных признаков, применяемый в антропологии, основан на учете особенностей современных рас и исходит из ряда предпосылок относительно числа рас, их древности, области распространения и т. д. Все эти предпосылки очень условны, и последовательное применение их приводит нередко к неубедительным выводам. Например, наличие альвеолярного прогнатизма или другой особенности, не укладывающейся в принятый для данной области стандартный набор признаков, считается достаточным для установления смешанного происхождения. Такой вывод — прямое следствие применения стандартного набора разграничительных признаков, установленных независимо от конкретных особенностей и их изменчивости на данной территории. Вполне понятно, что такие приемы анализа во многих случаях сводят определение расового типа к констатации морфологического сходства, а не родства данного типа с другими. Чем меньше число первичных расовых делений и разграничительных признаков, тем более абстрактный характер приобретает расовый диагноз. Нет никаких оснований при историческом понимании расы предполагать, что в древности существовали только те сочетания и в тех формах, какие сохранились до последнего времени. А если это так, то теряет почву мнение, согласно которому все, что не укладывается в небольшое число стандартных характеристик, представляет собой результат смешения.

Г. Ф. Дебец приписывает мне абсурдное утверждение, что «путем обобщения отличительных особенностей выделяются априорно установленные комбинации» (стр. 136). В действительности на стр. 96 моего текста речь идет об определенном виде обобщения, о признании сочетаний трех-четырех признаков, характерных для современных рас, исчерпывающими все сочетания, когда-либо существовавшие на разных территориях. Такое заключение основывается на соображениях, не связанных с материалом данной территории, и потому по отношению к данной территории оказывается априорным и недостаточным для решения вопроса о метисном происхождении изучаемого варианта. Речь идет о недопустимости абсолютизации определенного набора разграничительных признаков, отрицания динамического критерия и т. д.

Г. Ф. Дебец неоднократно отмечает как недостаток моей работы отсутствие литературных ссылок. Специалистам, полагаю, известно, что поставленные мной вопросы в большей части общих работ по расоведению или не обсуждаются или не получают определенной формулировки. Мнения различных авторов по этим вопросам могут быть выявлены лишь путем разбора их трудов, что, конечно, не входит в задачу журнальной статьи.

6. О генетической схеме человеческих рас. На рис. 98 моей статьи отмечено, что курчавые волосы и связанный с ними комплекс особенностей характерны для древнего населения всего тропического пояса в отличие от «волнистоволосого» комплекса, связанного по происхождению с более северными (субтропическими) областями эйкумены.

⁶ См. В. В. Бунак, *Раса как историческое понятие*.

О предпочтении морфологического критерия географическому в этих условиях, вопреки утверждению Г. Ф. Дебеца, говорить не приходится. Гипотеза о происхождении курчавоволосых групп от волнистоволосых оказывается совершенно не обоснованной, если учесть распространение тасманийцев и бушменов и многие другие факты⁷. Взаимоотношение австралоидной и негроидной групп описано мной на стр. 91 и 98 совсем не так, как об этом говорит мой критик.

Череп из Эльментейты, упомянутые мной на стр. 88 (верхний палеолит) и на стр. 90 (мезо- и неолит), относятся к разным эпохам. Непонятно, как мог мой оппонент смешать эти два различных варианта.

Говоря о переднеазиатском типе, Г. Ф. Дебес не учел отмеченного мной особого положения типа — участие в его формировании одного из древних элементов.

Характеристика групп, включаемых в европейский ствол, вопреки замечаниям Г. Ф. Дебеца (стр. 137), существенно не изменится, если не включать в этот ствол лопарский или эфиопский тип.

Из сказанного ясно, что попытка Г. Ф. Дебеца деквалифицировать фактическое содержание моей статьи представляется совершенно не обоснованной. То, что мой оппонент называет противоречиями, неясностями и ошибками в моей статье, становится таковым лишь в его изложении и лишь вследствие применяемых им полемических приемов — умолчания о некоторых приводимых мной соображениях и фактах и игнорирования общей установки исследования.

2

Ряд замечаний Г. Ф. Дебеца содержит элементы дискуссии по отдельным вопросам, относящимся главным образом к схеме расовых типов.

По мнению Г. Ф. Дебеца (стр. 132), антропологические материалы об австралоидах и американоидах говорят о формировании этих типов в домезолитическое время. Однако приведенные аргументы могут свидетельствовать лишь против несостоятельных гипотез об усиленном влиянии среды в мезолите и непосредственном влиянии среды на антропологические признаки, но несколько не противоречат сформулированному мной выводу. Природные условия на территории распространения австралоидов не однородны, но не включают резко различных климатических зон, с которыми связано формирование наиболее далеких расовых групп. Изменения первоначального, сравнительно нейтрального комплекса особенностей были менее значительны, чем в других зонах, и протекали в пределах австралоидного ареала в сходных, хотя и не тождественных формах. Нет никаких указаний, что закрепление комплекса австралоидных особенностей произошло до мезолита. Заселение Америки происходило на протяжении долгого времени, по мнению некоторых исследователей, начиная с позднего палеолита и до неолита. Группы, проникавшие на американский континент в разное время, по всем данным, были антропологически неоднородны. По мере расселения возникали типы, заметно различающиеся по цвету кожи, носовому указателю. Мы не располагаем сведениями о том, из каких именно типов и в каком соотношении сложились те или иные современные группы, каковы были условия их изоляции. Предположение о фиксации комплекса особенностей отдельных групп и обобщенного американоидного типа до мезолита или неолита во всяком случае мало вероятно.

Большое место в статье Г. Ф. Дебеца (стр. 137—139), явно не соответствующее удельному весу этого раздела в моей работе, отведено характеристике евразийской группы; эту характеристику Г. Ф. Дебес счи-

⁷ См. В. В. Бунак и С. А. Токарев, Проблемы заселения Австралии и Океании, Сборник «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XVI, М., 1951.

тает неправильной и ссылается на антропологические исследования таджиков, туркмен, азербайджанцев. Мой оппонент приводит сравнение признаков в пределах одной выделенной мной евразийской зоны. Между тем ясно, что общая схема расовых типов может быть построена только на межзональных сравнениях и обобщенных характеристиках. Если сравнить фотографический материал и краниологические данные о современном населении южной части Передней Азии и южной части Средней Азии, то едва ли могут возникнуть сомнения в том, что в первой зоне, в широком смысле зоне средиземной ветви, чаще встречаются волнистые волосы, меньшие размеры лица. В древнем краниологическом материале многие исследователи выделяют несколько синхронных вариантов, из которых один имеет много общего с средиземноморской группой, другой отличается от нее и описывается под разными названиями: каспийский тип, «протонордийский» и др. Существенно, что отличающийся от средиземноморского комплекс признаков сильнее представлен в северной части средиземной области и далее к северу — в области евразийской зоны. Из восточного Закавказья описана серия черепов из Севана, которая также не может быть безоговорочно отнесена к средиземноморскому типу. Заметные отличия от южных вариантов констатированы и во многих краниологических сериях из южных районов Средней Азии. Г. Ф. Дебец рассматривает эти различия с точки зрения гипотезы грацилизации. Для тех, кому гипотеза грацилизации в редакции Г. Ф. Дебца представляется неприемлемой, теряют убедительность и его выводы.

Древнейшая история антропологических типов южного Казахстана (входящего в евразийскую зону моей схемы) остается недостаточно разъясненной. Афанасьевский и андроновский типы отличаются и от более южных, и от западных и могут быть либо выделены в особую группу, либо объединены с западными или южными. В моей схеме принято последнее решение, основанное на общем сопоставлении антропологических ареалов. Возможно и иное решение вопроса об афанасьевском и андроновском типах, которое в моей работе не обсуждается, как и другие частные вопросы, не получившие отражения в составленной схеме (хотя в данном случае обсуждение было бы не лишним, так как замечание о двух названных типах сформулировано мной очень кратко).

В связи с критическими замечаниями о евразийском, лопарском и уральском типах нужно отметить, что мой оппонент совершенно не учитывает задач, поставленных мной при построении схемы. Разграничивая расы по комплексу признаков, сложившихся в определенную эпоху на определенной территории, мы можем выяснить генетические соотношения рас лишь при учете морфолого-ареальных комплексов в период их возникновения, т. е. первоначальных для данной зоны типов, а не их позднейших изменений вследствие переселений, смешений и других процессов. Генетические соотношения основных типов и генетические соотношения типов, преобладающих на тех же территориях в настоящее время, — не одно и то же. Проблемы этнической антропологии (и этногенеза) и проблемы расогенеза хотя и находятся во взаимосвязи, все же не совпадают: разрешение расогенетических проблем составляет предпосылку для исследований в области этнической антропологии и основывается на материалах, которые часто не имеют существенного значения в обычных расоведческих работах, а археолого-этнографические факты, привлекаемые в этнической антропологии, не всегда могут быть использованы при изучении первоначального формирования рас.

Было бы наивно предполагать, что какой-нибудь современный исследователь станет сомневаться в большой роли метисации при формировании антропологических типов населения многих обширных областей Эйкумены. В отдельных случаях могут быть разные мнения о доле участия того или иного элемента в составе данной группы. Большие трудности представляет методика разграничения смешанных и промежуточных ва-

риантов. Именно эти вопросы и требуют обсуждения. Кроме того, возникает вопрос, что именно нужно учитывать в первую очередь в генетической схеме рас: конечный результат метисации или исходный элемент, характерный для данной территории.

Г. Ф. Дебец считает недостатком моей схемы отсутствие соединительных линий между обозначениями отдельных рас. Здесь опять-таки недоумение. Тип населения многих районов имеет смешанное происхождение, но ведь тип населения области — это не то, что расовый тип. Например, тип населения Швейцарских Альп, конечно, смешанный, но альпийский тип (или другой, который мы признаем за основной для данной территории) нет основания считать смешанным. Расы смешанного происхождения тоже существуют и у человека, и у животных. Достаточно установленным смешанное происхождение можно признать лишь для сравнительно немногих рас.

Вопрос о происхождении лопарского типа нельзя считать окончательно выясненным. Однако нельзя доказывать метисное происхождение исходного типа лопарей близостью лопарского языка к урало-алтайским, наличием плосколицых черепов в древних могильниках Большого Оленьего острова, поскольку эти черепа имеют мало общего с лопарскими. В конце прошлого века Эрве⁸ утверждал, что древние черепа из Фюрфооз и Гренелль (Франция) неотличимы от лопарских. По новым данным, эта характеристика не точна, но бесспорно, что в древних лопарских черепах характерный монголоидный комплекс особенностей не выражен. Если меньшее развитие волосяного покрова, по сравнению с другими европейцами, более темная пигментация кожи и большая набухлость верхнего века полностью объясняются монголоидной примесью, следует сделать такой же вывод относительно бушменов, — вывод, возможный лишь при формальном использовании морфологических критериев сходства.

Оспаривая мое мнение о существовавшем в неолите особом очаге расообразования в уральской зоне (и частично за ее пределами), Г. Ф. Дебец полагает, что это мнение опровергается промежуточным положением уральского типа. Между тем совершенно ясно, что теория промежуточных расообразовательных центров несколько не меньше объясняет возникновение переходных типов, чем теория метисации. Кроме того, изложенная мной концепция вовсе не исключает возможности позднейших смешений в разных участках промежуточной зоны.

Согласно теории метисации, уральская зона входила в зону формирования монголоидных типов или была заселена сибирскими таежными племенами, имевшими основные отличия монголоидной группы. Мы не располагаем конкретным антропологическим материалом ни для доказательства, ни для опровержения этой теории (этнографические и археологические данные недостаточны для решения вопроса). Возникающие разногласия относятся к общей теории расообразования. По изложенным мной соображениям вероятность генетического единства всех неолитических племен Сибири, Дальнего Востока и Центральной Азии невелика.

Несравненно более вероятно, что ареалы отдельных монголоидных признаков были шире, чем ареал формирования монголоидного комплекса, и что в уральской зоне на основе местного позднепалеолитического населения возникли типы, частично сходные с восточными (слабое развитие бороды, некоторое выступание скул), частично — с западными (сравнительно светлая окраска кожи и др.).

Г. Ф. Дебец считает неудачным способ изображения генетической связи рас на приложенном мной графике, так как этот график «может способствовать созданию впечатления о низшей природе негров» (стр. 142). Полагаю, что если такое впечатление может возникнуть, то лишь у чита-

⁸ G. Hervé, Les brachycephales neolithiques, «Revue mensuelle de l'Ecole d'Anthropologie», 1894, № 4-5.

теля, который пожелает закрыть глаза на обозначения, имеющиеся на графике, и на соответствующие разделы текста. На графике обозначены страны света, — конечно, так, как они изображаются в современной картографии: в нижней части графика представлены расы, область формирования которых лежит в южной части эйкумены, в левой части — расы, возникшие на западе, и т. д. Расы расположены веерообразно, по дуге окружности, на равном расстоянии от центральной оси графика — от исходного полиморфного типа неолитов. Отмечены возможные промежуточные территориальные формации, не сохранившиеся до настоящего времени. В тексте отмечено, что отдельные признаки негроидного и австралоидного комплексов имеют преобладание в позднем палеолите, но негроидные и австралоидные комплексы признаков (или расы) формируются, как и все другие, в основном, в мезо-неолите. График может быть оформлен различно, например с исходным типом в центре круга, но взаимное расположение рас не может быть представлено в ином виде, если не отказываться от наиболее существенного положения современной теории расообразования — неразрывной, хотя и опосредствованной связи формирования рас с определенной территорией.

Таким образом, возражения Г. Ф. Дебеца исходят из понимания антропологических проблем, которого придерживается оппонент, а не критикуемый им автор. Такого рода критика не может способствовать уяснению спорных вопросов.

3

Что касается узловых пунктов моей работы, которые, казалось бы, должны в первую очередь стать предметом дискуссии, то о некоторых из них Г. Ф. Дебец совсем не упоминает (зональность расовых комплексов, значение несовпадения ареалов отдельных признаков одного комплекса и пр.), о других упоминает лишь для того, чтобы высказать противоположное мнение без какой-либо дополнительной аргументации. Если Г. Ф. Дебец полагает, что ему удалось опровергнуть изложенную мной концепцию, то это предположение (если бы даже оно оказалось правильным) далеко не достаточно для доказательства именно тех выводов, которые формулирует мой оппонент.

Г. Ф. Дебец утверждает, что «древние протоморфные типы современных больших рас существовали уже в позднем палеолите» (стр. 142). Если в этом тезисе термин «протоморфные типы» означает, что верхнепалеолитические типы представляют собой предковые группы позднейших (стр. 135), то тезис не имеет полемического содержания: насколько известно, никто не предполагал, что позднепалеолитические группы исчезли бесследно или что неолитические расы произошли, как правило, от каких-нибудь особых верхнепалеолитических, а не тех, которые раньше существовали на той же или на смежной территории. По-видимому, термин «протоморфные» употреблен в том смысле, что позднепалеолитические типы, хотя и отличались от позднейших, обладали не частичным, как сказано мной, а полным комплексом особенностей современных больших рас, каковы, например, современные расы Западной Европы, из которых ни одну нельзя назвать более европеоидной или менее европеоидной, несмотря на все различия между ними. В таком случае возникает ряд вопросов: когда сложились большие расы (в ориньякское время, раньше или позже), на какой территории, каковы условия и факторы их дифференциации? Эти вопросы становятся особенно существенными, поскольку Г. Ф. Дебец во втором пункте своих выводов признает, что большие расы (различаемые им в числе трех) связаны единством происхождения (это ясно показано и в моей схеме неразделенностью ствола ископаемых неолитов). Если «белая» раса, как утверждает мой критик на стр. 137, представляет собой генетически связанное целое, то каким образом осуществляется эта це-

лостность — путем переселения из какой-нибудь ограниченной зоны или иначе?

Г. Ф. Дебец находит, что процесс грацилизации является основным направлением развития отличий современных типов от древних (стр. 142) и что название «процесс грацилизации» получил процесс перестройки черепа (стр. 135). Возникают вопросы: каковы другие, не основные, направления преобразования признаков и чем вызвано различие направлений? какой именно эпохи древние черепа имеет в виду автор? следует ли называть «грацилизацией» уменьшение прогнатизма или усиление подбородочного выступа, наблюдаемые иногда при сравнении хронологически последовательных серий? каковы этапы процесса грацилизации и т. д.

Все эти недоумения отнюдь не принадлежат к числу многочисленных вопросов, которые исследователь может не учитывать в данный момент, потому что наука не располагает материалом или методом для их изучения. Напротив, все это — вопросы, вполне назревшие. Они поставлены в моей работе, но обойдены молчанием в статье Г. Ф. Дебеца, написанной, к сожалению, по известной формуле: все, что в критикуемой работе ново, то неправильно, а что правильно, то не ново.

Пренебрежительное отношение к мнению исследователей, не согласных с критиком, уклонение от высказываний по узловым принципиальным вопросам — все это не способствует укреплению защищаемых оппонентом взглядов и лишь подтверждает сомнения в их обоснованности.

* * *

Г. Ф. Дебец заявляет, что он также придерживается исторического понимания расы. Остается, однако, неясным, чем отличается содержание сделанных им выводов и других утверждений от мнений многочисленных антропологов, которых никто не причислял к сторонникам исторического понимания расы у человека.

Обращает на себя внимание и самая формулировка выводов. Они отражают мнения, давно высказанные в антропологической науке (некоторые — 70—80 лет назад), без каких-либо оговорок или пояснений. Повторение в категорической форме частных теорий большой давности лишает эти теории действительной силы: они перестают быть руководством к исследованию и превращаются в омертвевшую догму.

Между тем, потребность в разностороннем освещении проблемы расогенеза вполне назрела. Ряд очередных вопросов перечислен в порядке рассмотрения статьи Г. Ф. Дебеца, и значение их им не поколеблено. Большого внимания заслуживают поставленные современной биологией вопросы о приспособительных изменениях, осуществляющихся путем установления большого соответствия различных структурных элементов в черепе и в других частях тела, о зональности первичных ареалов формирующихся рас. Тесно связаны с этим вопросы о различных изменениях признаков в ряду поколений, о возникновении нейтральных вариантов, о сдвигах в сторону утончения скелета и их механизме, последовательности и длительности, об изменении признаков в метисных группах и многие другие.

Все эти вопросы, какое бы решение они ни получали, не могут не найти себе отражения в современных теориях расообразования. Признание одной из существующих частных теорий единственно возможной платформой расоведения содержит опасность превращения истории рас в набор сведений, интерпретируемых по одному образцу и потому не способствующих росту антропологической науки и пробуждению исследовательской инициативы молодых специалистов.

Насущная задача советской антропологии — дальнейшее развитие теории расообразования, расширение круга исследований с учетом новых задач, выдвигаемых современной наукой.

* * *

После того как эта статья была сдана в редакцию журнала «Советская этнография», я имел возможность прочесть работу Г. Ф. Дебеца «Опыт графического изображения генеалогической классификации человеческих рас», предназначенную для опубликования на страницах данного журнала. Ознакомление с этим трудом не вызвало необходимости внести изменения или дополнения в мой текст. Я не нашел здесь новых возражений против концепции, изложенной мной в разных работах, в том числе в работах, не упоминаемых Г. Ф. Дебецом. Не нашел я и дополнительной аргументации защищаемых автором взглядов. Вопрос о первоначальной дифференциации рас, занимающий большое место в моей работе, также не получил освещения в новой статье моего критика.

Впрочем, один пункт требует пояснения. Г. Ф. Дебец находит, что работы антропологов, обративших усиленное внимание на роль географической среды, находятся на первоначальной стадии развития. Однако можно назвать десятки книг и статей, в которых географическая среда рассматривается как фактор расообразования — непосредственный или косвенный (условия изоляции, распространения рас, распределения признаков по территории и т. д.). Проблема в целом бесспорно должна занять место в современных работах по общему расоведению.
